

примеры из ненецкого языка. Однако такие понятия, как «в этом году», «ночью», «ножом» и др., происходят от существительных в форме генитива, а не номинатива. Особенно отчетливо сказывается это во мн. числе и в лично-притяжательном склонении: *Tubči' matorpido'* «Они рубят топорами»; *Haranda madada* «Он разрезал своим ножом». В селькупском языке употребление номинатива для выражения времени действия возможно в единичных случаях.

Вообще сомнительно наблюдаемое в книге отождествление разноплановых по своему назначению грамматических форм: номинатива и основы имени.

Вряд ли можно ставить в один ряд «падежные окончания» существительных, прилагательных, местоимений, с одной стороны, и наречий, послелогов — с другой. Как по образованию, так и по употреблению между соответствующими формами имеются принципиальные различия.

Думается, что фонетически не оправдывается связь реконструируемого древнесамодийского суффикса латива, локатива, аблатива *-*kV*, в частности, с ненецким суффиксом *-hi/-gi/-ki* (стр. 126—127). Суффикс *-hi* явно восходит к слову *hij* «окрестный; близлежащий, находящийся поблизости», и имеет, по-видимому, не столь давнее происхождение. Конечный гласный этого форманта в отличие от других образований с начальным *h* суффикса не подвергается ассимиляции. Ср., например: *pédara-hi* «лесной» и *pédara-had* «из леса», *to-hod* «из озера», *pe-hed* «из камня» и т. п.

Неясны семантические и формальные

обоснования для возведения ненецкого глагола *tāñā-s* «иметься» к сочетанию наречия *tāñā'* «туда» и вспомогательного глагола *ješ* «быть».

При реконструкции древних форм, вероятно, не всегда напрашивается однозначное решение. Поэтому в ряде случаев может быть полезен учет реально существующих языковых фактов.

В заключение следует сказать, что выход в свет рецензируемой книги можно только приветствовать. В проводимых исследованиях самодийских языков южносамодийским (за исключением селькупского) уделялось совершенно недостаточно внимания. До недавнего времени считалось, что все саяносамодийские языки полностью утрачены. Начиная с 1963 г. топонимическими экспедициями Уральского гос. ун-та под руководством А. К. Матвеева собран довольно значительный языковой материал от двух старых женщин, уроженок селения Абакаково на Саянах (Клавдии Плотиновой и Александры Жибьевой). Однако работ, которые вводили бы в научный оборот эти материалы, опубликовано не было.

Рецензируемая монография А. Кюннапа, дающая на современной научной основе тщательно подобранные и систематически изложенные данные камасинского языка в сравнении с фактами других самодийских, а также финно-угорских языков, несомненно, имеет существенное значение для дальнейшего развития сравнительно-исторической уралоистики.

Н. М. Терещенко

В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ, Буятское книжное изд-во, 1971. 250 стр.

В рецензируемой монографии впервые с наибольшей полнотой, точностью и достоверностью описывается фонетический строй и характеризуется лексика до настоящего времени еще малоизученного бесписьменного языка одной из небольших тюркских народностей — тофаларов (автор называет их тофами), или карагасов, которая проживает на северных склонах Восточных Саян. Монография базируется на полевых записях автора за период с 1964 по 1969 г., сделанных им на основе слухового метода в точной фонетической транскрипции. В процессе работы автором были проверены и уточнены лексические материалы, представленные в известных работах М. Кастрена, Н. Ф. Катапова, Н. П. Дыренковой. Описание фонетического строя языка тофаларов основано также на субъективно-слуховом методе (см. об этом «Предисловие», стр. 3).

Книга состоит из трех частей: описание фонетики тофаларского языка, общая характеристика лексики и приложение — словарь корневых основ. В небольшом «Введении» (стр. 4—9) сообщаются некоторые данные об истории и быте тофаларов, краткие сведения об истории изучения их языка, о месте последнего среди других тюркских языков, освещаются возможности установления фонетических и лексических различий в речи жителей селений Алыгджер и Верхняя Гутара Нижнеудинского района Иркутской области, административных центров двух сельсоветов, основных мест проживания тофаларов.

Раздел «Фонетика» (стр. 11—68) состоит из трех глав. В гл. I (стр. 15—38) подробно описывается вокализм тофаларского языка. В основу классификации фонем (как гласных, так и согласных)

положена система Л. В. Щербы, уточненная применительно к тюркским языкам В. М. Наделяевым (в ней учитываются шесть степеней подъема языка и четыре артикуляционных ряда). При наличии в тофаларском языке гласных всех шести степеней подъема фонематическое значение установлено В. И. Рассадным лишь для четырех степеней (широкие — а, э; полуширокие — е, е, э, ѓ; полуузкие — ы, ı; узкие — і, и, ұ), а из артикуляционных рядов в этом языке представлены передний, центральный и задний. Интересна отмеченная автором акустическая идентичность тофаларских гласных центрального ряда (ı, ѓ, ö, ѓ) с адекватными звуками бурятского и халха-монгольского языка, что отличает в области огубленных гласных тофаларский язык от других тюркских языков (стр. 17—18). В этом же языке наличествует фонематическое противопоставление кратких и долгих гласных (вторичных по происхождению), хотя, как отмечает автор, сама длительность в зоне кратких и долгих фонем может колебаться в известных пределах по чисто фонетическим причинам.

Значительный интерес представляет для тюркологов и наличие в тофаларском языке, как и в тувинском, фарингализованных гласных, по длительности всегда кратких и на слух производящих впечатление «гласных, произнесенных отрывисто и как бы сдвоенным голосом, при этом в конце гласного бывает подобие придыхания» (стр. 20). Характерно, что эти гласные выступают всегда в первом слоге слова и только перед глухими сильными согласными [t, q, k, p, s, š] и сочетанием *rt* (кроме слова *dört* «четыре»). В. И. Рассадин в объяснении явления фарингализации склоняется к точке зрения о влиянии на тофаларский и тувинский языки самодийского или иного языкового субстрата (стр. 20—22, 93).

Консонантизм тофаларского языка описывается во II гл. (стр. 39—51). Выделяется тройственное противопоставление согласных: сильные, слабые и сонанты. Первая группа согласных, характеризующаяся относительно большой напряженностью артикулирующих органов и большей воздушностью, остается глухой в любых позициях внутри слова. Слабые согласные комбинаторно могут быть звонкими и глухими, а также полувзвонками и полуглухими. Сонанты могут быть определены также как сверхслабые согласные.

В гл. III «Звуки в потоке речи» (стр. 52—67) рассматриваются особенности гармонии гласных в тофаларском языке, явления чередования и варьирования гласных, а также редукции, элизии, протезы и других фонетических процессов; обобщенно даются закономерности употребления согласных в слове, их сочетаемости и ассимиляции; описываются факты метатезы, гаплоггии, стяжения. Варьирование гласных в первом слоге представ-

лено в ряде слов, причем оно может отмечаться как в речи одного и того же лица, так и в произношении разных лиц (*šubaras̄/šybaras̄/šaβaras̄* «кабарга», *tuɣpʰ/tyɣpʰ* «найти», *tɒfa/tyɒfa* «тофа», *itek/etik* «обувь»), узкие могут варьировать и в первых слогах (*ɒnuš/ɒnyš* «болото», *ɒlur/ɒlɒr/ɒlyr* «садись»). Автор отмечает чередования типа внутренней флексии в некоторых прилагательных для выражения количественной оценки признака (*nihge* «тонкий» — *ɲingi*: «тоноусенький», *arqalar* «тихо» — *arqal'ir* «тихонечко, тихо-тихо»), хотя здесь можно предположить и эмфатическое удлинение и сужение гласного последнего слога. Особенностью тофаларского языка в области согласных является различие сильных и слабых согласных в интервокальном положении и в конце слова (стр. 60—61).

В двух главах второй части рецензируемой книги подробно анализируется соответственно тюркская лексика в тофаларском языке (гл. IV, стр. 71—87) и нетюркская (гл. V, стр. 88—125), в гл. VI (стр. 126—145) дается семантическая характеристика всей лексики. Для анализа тюркской лексики берутся преимущественно корневые слова и некоторые производные, но «из них лишь те, которые уже были таковыми в древнетюркском языке» (стр. 71). Далее приводятся списки таких слов по частям речи, а внутри каждой из них (где возможно) — по лексико-семантическим группам.

Кроме общетюркских основ (их взято около 800), выделяются тофаларские слова, корреспондирующие с лексикой отдельных групп тюркских языков или даже отдельных языков. Таким образом в тофаларском языке выделяется огузская лексика, уйгурская лексика, киргизская, кыпчакская и отдельно — древнетюркская, кроме того, выделена тюрко-монгольская лексика, являющаяся, по данным автора, общей для тюркских и всех монгольских языков. Нам представляется спорным стремление автора такие тофаларско-тюркские соответствия объяснять лишь как непосредственный результат древних влияний и контактов (стр. 81—83), т. е. рассматривать все это как свидетельство о «каких-то самостоятельных связях носителей тофаларского языка с огузами, уйгурами, киргизами и кыпчаками, существовавших, по-видимому, еще во времена тюркского, уйгурского и киргизского каганатов, так как исторически позднейших контактов тофаларов с указанными тюркскими народами не было» (стр. 81—82). Такое прямолинейное объяснение синхронно сопоставленных лексических межъязыковых корреспонденций выглядит, по крайней мере, до исчерпывающей этимологической обработки, преждевременным. Непонятно, почему В. И. Рассадин полностью исключает такие возможности объяснения даже ареальных отдаленных соответствий, как результат,

например, общетюркского достояния или через общий источник заимствования и т. п. Остается не объясненным автором и основание, которое позволяет ему выделять «собственнотофаларские огуизмы» типа *beldi* «известно», *u : naq* «мелкий» (стр. 82).

В гл. V выделены слова неизвестного происхождения, т. е. такие, для которых автор пока не находит источника происхождения, и слова, имеющие параллели в самодийских, тунгусо-маньчжурских и кетских языках. Здесь наиболее детально разработан раздел о монгольских заимствованиях. На основании фонетических (особенности отражения монгольских звуков) и частью морфологических (структура слова) критериев автор выделяет среднемонгольские лексические заимствования XIII—XIV вв., иногда и более ранние (ср. стр. 37—38, 108—109), а внутри них иногда удается разграничить среднемонгольские и среднеиранские заимствования и более поздние заимствования преимущественно из западнобурятских говоров. В. И. Рассадин подчеркивает тот факт, что монгольские заимствованные глагольные основы не претерпели в тофаларском языке существенных изменений и употребляются в нем наряду с общетюркскими глаголами, в то время как в других случаях для образования глагольного понятия используется вспомогательный глагол *qyl-* «делать». Это явление он объясняет длительным монголо-тюркским двуязычием.

Автор прослеживает заимствования из русского языка как дореволюционного периода (с XVII в.), так и новейшего, когда русский язык приобрел важное общественно-политическое значение в жизни тофаларов.

В гл. VI рассматриваются изменения значений слов в тофаларском языке, выделяются омонимы, синонимы, антонимы, табу и эвфемизмы. С этнографической стороны особенно ценно здесь описание эвфемистических названий животных, связанных с древними культовыми представлениями. В словаре (стр. 151—240) представлены корневые основы и некоторые производные слова современного тофаларского языка. В нем указываются соответствия по языкам, включая древнетюркский, а для заимствованных слов язык — источник заимствования. Это дает автору основание называть свой словарь этимологическим, хотя такое название, как представляется, можно применять здесь лишь условно.

Точная фонетическая передача тофаларских слов, детальное описание звуков, богатые и добротные лексические материалы, полученные автором непосредственно от носителей языка, разысканные соответствия по различным тюркским языкам, интересные наблюдения по семантике тофаларских слов, выделение заимствований, сведения о путях и особен-

ностях освоения тофаларским языком монгольских, русских и других заимствований — все это позволяет высоко оценить книгу В. И. Рассадина. Теперь появилась возможность точнее определить место тофаларского языка среди других тюркских языков и уяснить его роль для тюркской исторической фонетики.

При чтении книги В. И. Рассадина возникают некоторые замечания. Из ранних сведений о карагасском языке автор не упоминает публикацию в «Этнографическом сборнике» (вып. 4, 1858) заметки «О карагасах», где имеются данные по их составу на январь 1851 г. (543 души) и список примерно в 200 слов (записаны в Сильпиурском улусе)¹.

Следует отметить, что вообще автор часто ограничивает себя в привлечении дополнительной литературы для более широкого освещения тех или иных проблем. Преимущественно это касается лексикологической части, которая могла бы еще более выиграть при использовании как новейших советских тюркологических и монголистических работ по лексике и словообразованию (А. Н. Кононов, Э. В. Севортян, Т. М. Гарипов, Т. А. Бертагаев и др.), так и зарубежных (Г. Дёрфер, С. Калужинский, К. Менгес, Н. Поппе, М. Ряснен, Дж. Клоусон, К. Боуд и др.). Тем самым автор как бы закрывает себе пути для более полного освещения истории отдельных слов, особенно заимствований (см. стр. 83, где слово *uldu-* «сбить копыта» считается сохранившимся только в тофаларском языке, тогда как оно находит соответствие в тувинском глаголе *улда-* «бить, колотить» и в дериватах: тув. *улдур-* [уьлдур-], якут. *улар-* «подшивать подметку», кирг. *улар-* «шить обувь», тув. *улдуң*, якут. *уллун*, др.-тюрк. *uldañ*, кирг. *ултан*, кумык. *ултан*, уйг. *ултаң* «подошва; подметка; стелька»; др.-тюрк. *ulduq* «раскочванный», ср.: тюрк. *ул* ~ *ул* «основание; подошва» / совр. монг. *ул*, бурят. *ула*, калм. *ул*, старописьм.-монг. *ула* «подошва; подметка»; совр. монг. *улада-*, старописьм. монг. *ulada-* «хромать от езды, ходьбы; сбивать ноги (о животном)»; совр. монг., бурят. *улаа-* «прошивать подметку драгтой»; к слову «неизвестного происхождения» *adyš* «ладонь» на стр. 89 ср. также турецк. *avuş* и т. д.). Возможное объяснение этого заключается, вероятно, в стремлении автора описать фонетику и лексику тофаларского языка как бы изнутри него самого, не определяя место того или иного явления в общетюркологическом плане.

Этого не компенсирует частая апелляция автора к древнетюркским языкам. Иногда кажется, что для В. И. Рассадина древнетюркский, точнее — древнетюрк-

¹ Немецкий перевод этой заметки см.: «Ztschr. für allgemeine Erdkunde», N. F., VIII, 1860, стр. 400—409.

ские языки, представляются синонимом общетюркского, а древнетюркские слова принимаются им за тофаларские праформы и этимоны. В фонетическом разделе, например, нередко говорится, что в тофаларском языке тот или иной звук или фонема появляется на месте определенного древнетюркского звука (тоф. $\text{ɔ/др.-тюрк. } \text{ɔ}$, тоф. $\text{ɔʷ/др.-тюрк. } \text{u}$, тоф. $\text{-j} \sim \text{-j̃/др.-тюрк. } \text{-j} \sim \text{-j̃}$, тоф. $\text{-n/др.-тюрк. } \text{-j}$; см. стр. 26, 49, 59, 80). Однако в большинстве случаев тот облик слова, который мы находим в «Древнетюркском словаре» (или в ином подобном пособии) и который реконструирован на основе древнетюркской графики (представленной несколькими весьма неравноценными алфавитами!) и посредством интерполяции современных тюркских звуков, вряд ли допустимо приравнивать к общетюркской реконструкции, а также непосредственно сопоставлять с точной фонетической записью слова из современного живого языка.

Правда, В. И. Рассадин считает, что тофаларский язык (как и некоторые другие сибирские тюркские языки) относится к «языкам-наследникам древнетюркского языка» (стр. 83, 146), он также допускает, что «...тюркский язык существует у тофаларов давно, еще со времен орхонских тюрков, и независимо от тувинского языка подвергался влиянию языка (древних — Н. Л., Д. Н.) уйгуров, кыргызов, монголов и позднее бурят» (стр. 96). Действительно, в тофаларском языке наблюдаются отдельные фонетические закономерности, сходные с древнетюркскими (сохранение интервокального -d- , ауслатного -ʁ , наличие -j в ряде слов), а в лексическом составе обнаруживается значительный пласт близких по значению слов, однако в своем фонетическом развитии тофаларский язык занимает по отношению к древнетюркским языкам столь же независимое положение, как и все прочие тюркские языки Сибири. Очевидно также,

что древнетюркские языки (в том числе и язык орхоно-енисейских памятников и древнеуйгурских текстов) представляют собой лишь определенные этапы общетюркской языковой эволюции, и поэтому нет оснований принимать их за исходное состояние конкретного тюркского языка. В противном случае, как возможно относительно хронологизировать соответствия тоф. $\text{ħz-/др.-тюрк. } \text{j-}$, тоф. $\text{-š/др.-тюрк. } \text{-č}$, а также тоф. $\text{ħz-} \sim \text{ħš-/ср.-монг. } \text{j-}$, тоф. $\text{-š/ср.-монг. } \text{-č}$ и т. п.? Можно, пожалуй, лишь в одном согласиться с автором (если принять гипотезу о древней тюркизации предков тофаларов), а именно в том, что таким тюркским языком первоначально был язык древнеугузского типа (один из вариантов которого запечатлен в орхоно-енисейских памятниках), чем, видимо, и объясняется общая с якутским и рядом других сибирских языков (прежде всего — с тувинским) тенденция к субституции в этих языках общетюркских звуков и сходные закономерности фонетического развития слова.

Скрупuleзному описанию тофаларской фонетики в монографии В. И. Рассадина недостает, на наш взгляд, системной фонологической интерпретации выявленных фонем, а также отдельных звуковых явлений. В некоторых случаях фонемами как бы растворяются в обилии сообщаемых автором произносительных и позиционных вариантов. Желательно было бы также фонологически интерпретировать и такие интересные явления, как фарингализация гласных, устойчивость сильных согласных в слове и т. п.

В. И. Рассадин продолжает работать над полным словарем тофаларского языка. Следует надеяться, что с его появлением этот язык станет еще более доступным для исследователей, а В. И. Рассадин обратится и к описанию грамматического строя языка кофов.

Н. И. Летагина, Д. М. Насилов

Б. Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. (На материале современной русской художественной литературы). — Praha, 1970. 165 стр. («Acta Universitatis Carolinae. Philologiae. XXXII»)

Книга К. Кожевниковой посвящена актуальному вопросу современной стилистики — причинам, способам и целям воспроизведения художественной литературой особенностей разговорной речи. Его разрешение равно важно и для исследователя языка художественной литературы, и для понимания структуры общелитературного (и национального) языка.

На современном этапе развития стилистики оба эти аспекта в соответствии с

естественным углублением их проблематики, обнаружили реальные точки соприкосновения. И сейчас уже не может считаться оправданным ни прямолинейное обращение к художественному тексту только как к материалу для анализа экспрессивно-функциональных свойств каких-либо элементов общезыковой структуры, ни игнорирование возможной эстетической значимости того или иного факта языка, если он извлечен из художествен-